

«ВСЕ, ЧТО СМЕШНО И БОЛЬНО...»

СЕЙЧАС кажется, что мы, сочинцы, много раз видели ее девочкой возле артистического входа в театр или в коридорах телестудии. Кажется очень знакомыми удивительные глаза Лии Ахеджаковой — смешливые и глубокие, доверчивые и вопрошающие с тревогой, с настороженностью. Возможно, так оно и было: отец Лии М. С. Ахеджаков, заслуженный деятель искусств, был главным режиссером Майкопского драматического театра имени А. С. Пушкина, мать Ю. А. Ахеджакова — ведущей актрисой, а театр, как и теперь, ежегодно приезжал на гастроли в Сочи. Но скорее всего, это только такое впечатление, будто мы запомнили ее еще в детстве. Просто один раз увидев Лию Меджидовну, ее невозможно забыть, она остается не в памяти, а входит в вашу жизнь близким человеком. Открытая — вся как на ладони, со своим особым миром — неустоенным и трепетным, смешным и трогательным, всегда полным женского смятения, растерянности и чисто женской стойкости, мужества.

Героини Лии Ахеджаковой (а мы, к сожалению, знаем их пока только по фильмам) — не из числа «деловых», сильных женщин. Они обыкновенные, слабые. И не скрывают этой слабости, часто — нескладности, как и не притч своей распахнутой навстречу каждому доброты.

Вспомните одно из первых знакомств — молодая учительница, подруга Нади из «Ирони судьбы...». Сколько минут вы видели ее на экране? Двух? Суегливу, восторженную, в нелепой, «по моде», мужской шапке, искреннюю в горячем порыве расхвалить подругу ее жениху. И последний, на пороге, затаившийся взгляд на счастливых целующихся героев: большие веселые любопытные глаза. А где-то глубоко, затаенно — щемлящая зависть...

Фильм «Двадцать дней без войны». Совсем крошечный эпизод. В тыловом голодном Ташкенте останавливает случайного фронтовика маленькая измученная женщина. Неловко

и судорожно сжимает она в руках присланные кем-то с фронта часы мужа. И спрашивает, выпытывает, выманивает ответ: «Что это? Почему? Погиб? Не погиб? Почему часы? Почему?» Такой однотонный голос у этой женщины, монотонно-отчаянный голос, такие тоскливые глаза с надеждой и страхом, такое безысходное горе, что сильнее о нем не скажешь. По-другому — можно. Но сильнее нельзя.

Другой фильм — «Журавль в небе». У Л. Ахеджаковой в нем большая комедийная роль. Вернее, так показалось потому, что артистка рассказала нам о своей героине поразительно много. Девушка-киномеханик, несколько задержавшаяся в этой прекрасной поре почти без надежды выйти замуж. А шанс появился. И вот эта блеклая, неуклюжая, «правильная» девушка борется за своего героя. Сколько в ней появилось расхожей женской

пошренности! Тут и невообразимый наряд, и «обольстительное» кокетство, и небольшой скандалчик в стиле кинобоевиков, и ошеломляющее кулинарное искусство, одним словом, весь набор безотказных средств. Но как же трудно они ей даются, какая же она во всем этом беспомощная! Смешно, очень смешно, но не весело. Потому что вас беспокоят последние вымученная улыбка, скорбная улыбка, какой обрывается ее надежда на счастье.

Редкий дар у Лии Ахеджаковой — проникать в самую глубинную душу своих таких разных, таких непростых героинь.

И рядом чисто комедийные роли.

Секретарша в «Служебном романе». Вспомини? И уже улыбаетесь. Еще бы! Какой каскад красок, какая блестящая ирония над типичными чертами всех секретарш и всех женщин на свете. Не с издевкой, а с юморком, как поспеиваются над самим собой, точно, но безобидно.

А мать-одиночка в «Гараже»? А клубный работник в фильме «Москва слезам не верит» — одержимая идеей брачных знакомств, отрешенно тупая в своей активной деловитости...

Разве можно забыть хоть одну роль Лии Ахеджаковой — актрисы тонкой, глубокой, остро чувствующей все, что смешно и больно? Как славно, что впереди столько волнующих встреч с нею в театре, кино, на телевидении. И на днях — в спектаклях театра «Современник», гастролирующего в Сочи.

А. БЫСТРОВА.

НА СНИМКЕ: заслуженная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии РСФСР актриса театра «Современник» Лия Ахеджакова в спектакле «Спешите делать добро».